

Л. Н. ТОЛСТОЙ И САЛТЫКОВ

Сообщение М. Чистяковой

Личное знакомство Толстого с Салтыковым состоялось зимой 1856 г.¹

Прямых указаний на этот счет, правда, не имеется. Два первые месяца по прибытии своем в Петербург Толстой, захваченный новой для него светской и литературной жизнью, не вел дневника; в последующих дневниковых записях имени Салтыкова не встречается; не встречается его и в письмах Толстого за этот период. Однако почти через 30 лет, в 1883 г., Толстой, на вопрос Г. А. Русанова о знакомстве его с Салтыковым, ответил: «В 56 году в Петербурге я часто встречался с ним, а когда он впоследствии служил в Туле, нам как-то не пришлось видеться»².

В следующие зимы — 1856/57 и 1857/58 гг. — Толстой во время своих наездов в Петербург по литературным делам повидимому также встречался с Салтыковым. За этот период имеются две дневниковые записи: «Обедал у Толстых и вечер у Салтыкова» (25 октября 1857 г.) и «Обед у Кареев[ой]. Салтыков привез музык[у] — дрянн. Ужинал у него. Он упрекал меня в гениальности» (4 апреля 1858 г.). Однако обе эти записи, в особенности вторая, вызывают сомнения; возможно, что они относятся не к М. Е. Салтыкову, а к другому лицу из числа петербургских знакомых Толстого, носившему ту же фамилию. Для твердого решения этого вопроса данных не имеется.

Редкими петербургскими встречами в конце 50-х годов ограничиваются личные непосредственные отношения Толстого с Салтыковым. В 60-х годах, когда Салтыков жил в Туле, состоя председателем Тульской казенной палаты, он не встречался с владельцем Ясной Поляны, о чем в беседе с Русановым упоминала Толстой и о чем вспоминала Т. А. Кузьминская: «В 1866—1867 гг. Салтыков жил в Туле, равно как и мой муж»³. Он бывал у Салтыкова... Надо сказать, что Лев Николаевич и Салтыков, несмотря на близкое соседство, никогда не бывали друг у друга. Почему — не знаю... Я в то время как-то не интересовалась этим»⁴.

И в дальнейшем Толстой и Салтыков уже не встречались. Не возникло между ними и деятельной переписки. На протяжении 30 с лишним лет — с момента знакомства до смерти Салтыкова — они обменялись несколькими письмами по литературным вопросам. Сохранилось пять писем Салтыкова к Толстому и лишь одно письмо Толстого из четырех, написанных им Салтыкову. Три утерянных письма относятся к тому периоду, когда письма Толстого не копировались, а утеря автографа означала полное исчезновение текста письма; однако факт написания и приблизительное содержание этих трех писем устанавливаются косвенными источниками.

Отдалившись друг от друга, не делая попытки к личным встречам, Толстой и Салтыков внимательно и зорко следили за литературной деятельностью друг друга, и в их критических откликах сквозь полемическую резкость выражений чувствуется невольное признание таланта противника и звучит горькая нотка сожаления, что этот талант используется враждебным станом. Толстой в своем дневнике последовательно хронологически записывает: «Да, читаю. Салтыков — талант серьезный» (2 августа 1857 г.). «Смерть Пазухина невозможная мерзость» (30 октября 1857 г.). «Салтыков, читал. Идеалист хорош. Он здоровый талант» (17 марта 1858 г.). «Читал «Отечественные записки». Болтовня Щедрина»⁵ (31 марта 1884 г.). «Читал Щедрин»⁶. И хорошо, да старо, нового нет. Мне точно жалко его. Жалко пропавшую силу» (3 апреля 1889 г.).

В устных высказываниях Толстой полнее характеризовал творчество Салтыкова и свое к нему отношение. Г. А. Русанов в своих воспоминаниях рассказывает: «Любимый писатель современной молодежи — Щедрина [сказал Русанов], так как он касается политики, злобы дня, молодежь любит его больше остальных писателей». — «И он вполне стоит этого, — возразил Толстой. — Щедрина я люблю. Он растет и в последних произведениях его звучит грустная нота»... Разговор снова коснулся Щедрина. — «Вы читали его «Современную идиллию»? — спросил меня Толстой. — Помните суд над пискарями?» — «Да, помню, — ответил я: — там хороши еще «лоботрясы». — «Это прелестно, — сказал Толстой и при этом привел на память небольшую цитату из Щедрина, в которой говорится о лоботрясах. — «Хорошо он пишет, — закончил Толстой, — и какой оригинальный слог выработался у него». — «Да, — сказал я и потом прибавил: — Такой же, в своем роде, оригинальный слог у Достоевского». — «Нет, нет, — возразил Толстой, — у Щедрина великолепный, чисто народный, меткий слог, а у Достоевского что-то сделанное, натянутое»⁷. В беседе с В. Лазурским Толстой вносит существенные поправки к вышеприведенному отзыву. На вопрос Лазурского о Щедрина Толстой отвечал: «Слишком длинно и утомительно. Вот эти последние вещи еще лучше: «Пошехонская старина» и другие». — «Неужели вам не нравятся сказки Щедрина или «Господа Головлевы»? — «Некоторые сказки — да, другие не выдержаны, например про караса и вообще аллегорические. «Господ Головлевы» я позабыл. Самая лучшая мерка для литературных произведений — это переводы на иностранный язык. Щедрина пробовали переводить — ничего не выходит. Иностранный читатель читает и ничего не понимает»⁸. Более резкий отзыв воспроизводит П. П. Перцов, вспоминая беседу с А. Н. в 1894 г.: «...есть целые писатели, которые шумели в свое время, а замечательны только тем, что умели обходить цензуру. Возьмите, например, Щедрина. Как он шумел. А что у него есть? Его «эзоповский язык» был нужен только как уловка против цензуры, а писал он все пустые вещи. Возьмите «Дневник провинциала в Петербурге» — разве это можно читать? Кому это нужно? И вот он уже забыт, хотя много печатался в свое время»⁹.

Отрицательное суждение Толстого о Салтыкове в 1909 г. записывает и Гольденвейзер: «Мы играли в шахматы. Во время партии Софья Андреевна с кем-то заговорила о Щедрина. А. Н. сказал: «Le secret d'être ennuyeux c'est tout dire»¹¹. Про Щедрина это вполне можно сказать. Он все всегда договаривал до конца. Я никогда не мог читать его»¹¹. Однако когда А. Б. Гольденвейзер, уезжая из Ясной Поляны, забыл там том сочинений Салтыкова, М. А. Толстая в письме к нему от 26 сентября 1901 г. писала «Вы забыли «Головлевы», и мы теперь вечером читаем их вслух. Папа нравится»¹². Доказательством того, что Толстой много и внимательно читал Салтыкова, служит между прочим и тот факт, что он часто и в письмах, и в устных беседах, записанных современниками, в различных случаях цитировал Салтыкова, вспоминал или ссылался на него. Интересна в этом отношении его записка, написанная С. А. Толстой в апреле 1886 г. с дороги, во время путешествия пешком из Москвы в Ясную Поляну в обществе двух своих великосветских друзей: «Пишу тебе из деревни, за 25 верст от Серпухова: 1 ч. дня, воскресенье. Мы веселы, здоровы. Мужик этот, наш товарищ Макей, 60 лет, — моложе нас всех, — шел с нами верст 50, обувал и вообще был мужик 3-х генералов»¹³. Тема этой щедринской сказки была близка Толстому и видимо восхищала его. Недаром через двадцать лет после появления этой сказки в печати Толстой в «Плодах просвещения», в этой пародии на светское общество, заставил беззаботную и легкомысленную светскую молодежь разыгрывать шараду на тему из этой сказки:

«Вдали вот плот	— Мы два генерала,
Сюда плывет;	Судьба нас связала,
На нем два генерала...	На остров послала...»

В Щедрина он видел «здоровый» талант, с глубокой и серьезной тематикой, с любовью и знанием народного быта, владеющий «метким народным слогом». Но этот талант он рассматривал с точки зрения своего мирозерцания как «пропавшую силу», т. е. силу, направленную не на разрешение «вечных» — моральных и философских — проблем, а к достижению «временных» — политических и революционных целей.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Рисунок маслом И. Репина, 1891 г.

Собрание И. И. Бродского, Ленинград

Отзывы Салтыкова о Толстом и его творчестве отличаются большей резкостью, большей нетерпимостью и вместе с тем большей последовательностью. И он видел в Толстом огромную художественную силу; недаром он так неотступно и настоятельно привлекал Толстого к сотрудничеству в «Отечественных Записках» с того самого момента, как сделался их редактором; но он видел в Толстом не только «пропавшую» силу, но силу, которая, благодаря своей отчасти невольной, отчасти вольной солидаризации с враждебными общественными и политическими группировками, наносила явный вред тому делу, за успех которого всю жизнь боролся Салтыков. И потому его отзывы о Толстом носят такой резкий, такой негодующий и желчный характер. «Он сказал с презрением,— вспоминает С. А. Толстая,— что «Война и мир» напоминает ему болтливые разговоры нянюшек и бабушек»¹⁴. О том же рассказывает и Г. А. Кузминская: «В 1861—1867 гг. Салтыков жил в Туле, равно, как и мой муж. Он бывал у Салтыкова и передал мне его мнение насчет двух частей «1805 года». Салтыков сказал: «Эти военные сцены — одна ложь и суета... Багратион и Кутузов — кукольные генералы. А вообще — болтовня нянюшек и мамушек... А вот наше так называемое «высшее общество» граф лихо прохватил»¹⁵.

Еще большей резкостью отличается отзыв Салтыкова об «Анне Карениной» в письме к П. В. Анненкову от 9 марта 1875 г. «Вероятно,— пишет Салтыков,— вы читали роман Толстого о наилучшем устройстве быта детор. частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы на одних половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется консервативная партия, которая торжествует. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?»¹⁶

Резкость вышеприведенного отзыва Салтыкова помимо принципиальной стороны вопроса объясняется и тем обстоятельством, что новый роман Толстого, который ожидался для напечатания «Отечественными Записками», был передан Толстым катковскому органу «Русский Вестник», публикация в котором уже накладывала на роман специфический колорит к торжеству консерваторов и к великому негодованию Салтыкова.

Здесь мы переходим из области личных и отвлеченно-литературных отношений Салтыкова и Толстого в область их отношений литературно-общественного порядка.

За год до выхода в свет первых частей «Анны Карениной», в 1874 г., Толстой обратился через Некрасова в редакцию «Отечественных Записок» с предложением выска-

заться по поводу только что вышедших тогда в свет его педагогических трудов, вызвавших сенсацию и злобные нападки со стороны профессиональных педагогов в Московском комитете грамотности. В поднявшейся полемике, горячей и крайне тяжелой для Толстого, он пожелал привлечь в свои союзники наиболее передовую и радикальную часть современной публицистики. По воспоминаниям Н. К. Михайловского, письмо Толстого на имя Некрасова «совершенно неожиданное, возбудило в редакции большой интерес»¹⁷, тем более, что оно связывалось с дальнейшим тесным сотрудничеством Толстого в журнале. Редакция предложила Толстому высказаться самому на страницах «Отечественных Записок», но Толстой новым письмом в редакцию настаивал на предварительном выступлении специального критика. Тогда редакция поручила эту задачу Н. К. Михайловскому. Но Толстой его «не дождался»; в сентябрьской книжке «Отечественных Записок» была напечатана известная статья Толстого «О народном образовании»¹⁸, «вызвавшая целую бурю как в общей, так и в специально-педагогической литературе»¹⁹. Публикацией этой статьи однако и ограничилось сотрудничество Толстого в «Отечественных Записках»; законченный им в следующем году роман «Анна Каренина» он передал в катковский «Русский Вестник» и после того на несколько лет его отношения с радикальным органом русской журналистики заглохли.

В 1878 г. Салтыков, ставший после смерти Некрасова во главе «Отечественных Записок», обратился к Толстому с письмом от 28 августа, в котором просил его о сотрудничестве в журнале. «Было время, когда я пользовался Вашим знакомством: может быть, Вы вспомните,— писал Салтыков,— но если б Вы даже и совсем позабыли о моей личности, все-таки я считаю себя в праве как литератор к литератору обратиться к Вам с нижеследующею просьбой... И мне лично, и всей редакции нашей было бы особенно приятно и дорого, если бы Вы приняли в нашем журнале участие своими трудами»²⁰.

Толстой отвечал письмом (несохранившимся), в котором уклонялся от сделанного ему предложения, на что последовало другое письмо Салтыкова, от 25 сентября, в котором он писал: «Нет нужды говорить Вам, что письмо Ваше принесло мне чувствительнейшее огорчение... Поверьте, что я не ради рекламы желаю Вашего участия в журнале, а просто потому, что ценю высоко вашу литературную деятельность»²¹.

Через три года после своего отказа в сотрудничестве Толстой снова потянулся в «Отечественные Записки». Н. К. Михайловский в своих воспоминаниях так рассказывает об этом эпизоде. «В 1881 году гр. Толстой сделал новую честь «Отечеств. Запискам», еще раз предложив свое сотрудничество. У меня нет письма графа, в котором он делал нам это лестное предложение; но вот что в своем обыкновенном, шутивно-ворчаивом тоне писал по этому поводу Салтыков Елисееву²², бывшему тогда за границей. «...я получил от Льва Толстого диковинное письмо»²³. Пишет он, что до сих пор пренебрегал чтением русской литературы и вдруг, дескать, открыл целую новую литературу, превосходную и искреннюю в «Отеч. Записках»! И это так его поразило, что он отныне намерен писать и печатать в «Отеч. Зап.» Я, разумеется, ответил, что очень счастлив, и журнал счастлив, и сотрудники счастливы, что будем ждать с нетерпением, а условия предоставляем определить ему самому. Но куда еще ответа от него нет». В 1882 году²⁴ мне нужно было быть в Москве,— рассказывает далее Н. К. Михайловский,— и Салтыков просил меня заехать к гр. Толстому и напомнить ему его собственное предложение. Тогда в петербургских литературных кружках ходили слухи о какой-то повести, которую гр. Л. Толстой уже написал или пишет...²⁵ Я был очень рад случаю явиться к гр. Толстому с делом, а не просто с желанием познакомиться... Когда я ему сказал, что так, мол, и так, слышали мы, что вы повесть написали или пишете, так не дадите ли ее нам,— он ответил: «О нет! у меня ничего нет, это просто Н. Н. Страхов²⁶ нашел в моих старых бумагах рассказ и заставил его отделать и кончить,— ему уже дано назначение». И затем граф легко и свободно перешел к разговору об «Отеч. Зап.», сказал много приятных для нас вещей, ни одним словом, однако, не упоминая о своем предложении и тем как бы приглашая и меня не говорить о нем. Я, разумеется, последовал этому невыраженному приглашению»²⁷. Об этом свидании с Михайловским Толстой вскользь упоминает в своем письме к Н. Н. Страхову: «Познакомился я с Ник[олаем] Михайловским. Я ожидал большего. Очень молодо, щеголевато и мелко».

П. В. Анненкову от 26 мая 1884 г. он писал: «Я не о том совсем говорю, что литература должна была выразить открыто соболезнование по поводу «Отеч. Зап.» Я думаю, что это немислимо и даже материально невозможно. Но ведь могли же, например, Островский, который неизменно 15 лет сряду начинал новогодние журналы, или гр. А. Толстой, который за месяц до закрытия писал и мне и журналу похвалы,— могли же они хоть несколькими строками заявить мне — письменно, а не печатно,— что понимают нечто. Нет, ни один ни слова. Вот почему мне вспоминается Тургенев, который совсем не так бы поступил»³¹. Большой, измученный, огорченный Салтыков со свойственной ему резкостью снова нападает на Толстого, попытка сближения с которым по общественной линии не удалась, в позиции которого он глубоко разочаровался и расценивать которого он склонен теперь более, чем когда-либо, как кривляющегося барина. В письме к Михайловскому от 22 февраля 1885 г. он пишет: «Я, признаться, написал ему [Скабичевскому]³², что Толстой не более, как Кобеня, но он не совсем согласен со мной; помилуйте, говорит, ведь он советует самим выносить урыльники! Хорошо, коли у кого урыльники есть, а вот у мужичков и этого нет. И рад бы выносить (в огород бы он снес), да приходится прямо на пусто паскудить. А между тем и Толстой и Успенский только и бредят мужичком: вот, мол, кто истинную веру нашел! И ведь какой хитрый этот Толстой! На прежнюю свою деятельность литературную, как пес на блевотину смотрит, а деньги за издание этой блевотины берет хорошие»³³.

И еще в письме к тому же Н. К. Михайловскому: «Самое лучшее и пристойное было бы совсем не писать, да видно так уж до гробовой доски и останусь литературным колдунчиком. Вот прочтите письма Тургенева, увидите, как литературные бары живут. Таков же и Толстой. Говорит о всеюльби, а у самого 30 тыс. р. дохода. Живет для показа в коморке и шьет себе сапоги, а в передней лакей в белом галстуке. Это не я, дескать, а жена. А Михайловскому, Скабичевскому и иным есть нечего. Особливо последнему. Обиднее всего то, что ни Некрасов, ни Тургенев ни обола литературному фонду не оставили, а от Толстого и ждать нечего»³⁴.

Цитируемое выше письмо к Михайловскому он заканчивает однако строчками, в которых проскальзывает живой интерес к Толстому и его мнениям: «Я понимаю, что Вы не особенно интересовались видиться с Толстым в Москве, а любопытно было бы, сказал ли бы он несколько теплых слов по случаю смерти «Отеч. Зап.»»³⁵

Упорные попытки Салтыкова на протяжении ряда лет привлечь Толстого к сотрудничеству в «Отечественных Записках» невозможно объяснить только желанием его как энергичного редактора залучить громкое имя в интересах журнала; Салтыковым руководили повидимому более глубокие соображения и чувства. Признавая огромный художественный талант Толстого, он как будто хотел правильно и целесообразно, с точки зрения своих общественных идеалов, использовать эту силу, направить ее на настоящие рельсы, установив тесный контакт между Толстым и наиболее радикальной в политическом отношении писательской группировкой. Эти попытки, как мы видим, успеха не имели. Писатели пошли каждый своей дорогой, не теряя однако друг друга из поля своего зрения.

В конце 80-х годов делается попытка обратного порядка: Толстой принимает все зависящие от него меры, чтобы привлечь Салтыкова к сотрудничеству в издательстве «Посредник», организованному по инициативе В. Г. Черткова и при ближайшем участии Толстого: с целью дать народу «настоящую» литературу по дешевым ценам. По этому поводу Толстой обращается к Салтыкову с письмом, датированным 1—3 декабря 1885 г., которое приводим полностью:

«Очень был рад случаю, дорогой Михаил Евграфович, хоть в несколько официальной форме выразить вам мои искренние чувства уважения и любви, но тут же узнал про ваше нездоровье; и с горем уже стал следить за известиями в газетах и из них же да от знакомых узнал, что вы поправились. Это отлично, только не верьте докторам и не портите себя лечением.

Пишу вам о деле вот каком: может быть вы слышали о фирме «Посредник» и о Черткове»³⁶. Письмо это передаст вам В. Г. Чертков и сообщит вам те подробности об

этом деле, которые могут интересовать вас. Дело же мое следующее: с тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика была у журналов — тысяч 20 и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось — читают больше для содействия пищеварению, и зародился новый круг читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами. Те книжки «Посредника», которые вам покажет Чертков, разошлись в полгода в ста тысячах экземплярах каждая, и требования на них все увеличиваются. Про себя скажу, что когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и развязным, но когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение. — Это впрочем не к делу. К делу то, что, мне кажется, вспоминаемая мною из ваших старых и теперешних вещей, что если бы вы представили себе этого мнимого читателя и обратились бы и к нему, и захотели бы этого, вы бы написали превосходную вещь или вещи и нашли бы в этом наслаждение, то, которое находит мастер, проявляя свое мастерство перед настоящими знатоками. Если бы я сказал вам все, что я думаю о том, что именно вы можете сделать в этом роде по моему мнению, вы бы, несмотря на то, что не считаете меня хитрым человеком, наверно бы приняли за лесть. У вас есть все, что нужно, — сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. В изданиях этих есть не направление, а есть исключение некоторых направлений. Но напрасно я говорю это. Мы называем это так, что мы издаем все, что не противоречит христианскому учению; но вы, называя это может быть иначе, всегда действовали в этом самом духе и потому-то вы мне и дороги, и дорога бы была ваша деятельность, и потому вы сами всегда будете действовать так. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто кроме вас. Л. Т.»³⁷.

Это письмо было передано Салтыкову Чертковым, ехавшим из Москвы, где в то время находился Толстой, в Петербург. О личном своем свидании с Салтыковым Чертков сообщил Толстому письмом (оно не сохранилось), на которое Толстой отвечал 7 дека-

В. Г. ЧЕРТКОВ

Рисунок маслом И. Репина, 1886 г.
Собрание В. Г. Черткова, Москва

бря 1885 г.: «Сейчас получил ваше второе письмо, милый друг. Оба очень мне были радостны; вчерашнее — тем, что вы пишете о Салтыкове. Как бы хорошо было помочь ему, вызвав на ту дорогу, на к[оторой] он найдет успокоение». В то же время Салтыков, после свидания с Чертковым, пишет ему следующее письмо от 5 декабря 1885 г.:

5 декабря Литейная, 62.

Милостивый Государь Владимир Григорьевич.

Объясняясь с Вами воочию, я забыл спросить Вас, берете ли вещи, бывшие уже в напечатании (разумеется без гонорара)? Покуда я соберусь с силами, я мог бы указать Вам на одну мою вещь, которая, как мне кажется, как-раз подойдет к Вашему предприятию. Это — «Сон в летнюю ночь», напечатанный в «Отеч. Зап.» 1875 г. и потом перепечатанный в особом издании «Сборника». Содержание этой вещи, отчасти бюрократическое, отчасти крестьянское. У меня остался только 1 экземпляр «Сборника», но думаю, что он есть во всех лавках. Я мог бы значительно ее видоизменить. Я предлагаю сие именно в виду моей теперешней немочи, в чем вы можете удостовериться по каракулям, которыми написано мое письмо, и которые не скоро дозволяют надеяться на возобновление моей деятельности.

Искренно Вас уважающий М. Салтыков

Разумеется, по исправлении, я пришлю вещь к Вам»³⁸.

«Салтыков написал мне, — пишет В. Г. Чертков Толстому 9 декабря 1885 г., — спрашивая, годятся ли для нас такие вещи, которые уже были в печати, и предлагая свой «Сон в летнюю ночь», написанный несколько лет тому назад и вошедший в его сборник, недавно изданный. Я ответил Салтыкову, что вообще мы берем уже изданное, но относительно данного рассказа прошу мне, когда он поправится, назначить свидание для личного выяснения». В письме к Толстому от 20 декабря того же года В. Г. Чертков снова обращается к вопросу о сотрудничестве Салтыкова. «С разных сторон мне говорят, что Щедрин очень занят мыслью писать для наших изданий и что ваше письмо произвело на него сильное впечатление. Кузминский говорил вчера, что Щедрин, несмотря на свою болезнь, проработал на днях целый день над рассказом для нас и что на следующий день он вследствие этого встал совсем больной, в нервном расстройстве³⁹. Меня беспокоит то, что он может написать что-нибудь совсем неподходящее к нам и поставить нас в неловкое положение. А думаю я, что это возможно на основании некоторых его замечаний при нашем свидании. Он, разбирая то, что можно писать для нас, упомянул о государственном бюджете с целью раскрыть перед крестьянами то, что делается с их деньгами. Он выразил сомнение относительно цензуры. Затем он предложил описать обстановку мелкого помещика, постоянно жалующегося на свою судьбу и действительно стесненного в своих расходах, и — рядом с этим обстановку бедных крестьян, уже решительно не имеющих ничего. Следовало бы ему высказать, что мы не желаем возбуждать экономических и социальных вопросов и еще менее возбуждать одно сословие против другого; что мы хотим высказать общечеловеческие истины и, если обличать, то направлять наше обличение на слабости и пороки, присущие человеку вообще, а не одной какой-нибудь категории людей. Следовало бы дать ему несколько более определенное понятие о нашей задаче, и именно теперь, раньше, чем он что-нибудь написал. Потом это будет труднее».

Из этого письма Черткова ясно, что Салтыков по-своему понял задачи «Посредника» и потому только так охотно пошел навстречу сделанному ему Толстым предложению, что вновь организованное издательское предприятие он рассматривал повидимому как сильное орудие для агитационного воздействия на широкие народные массы в политическом и революционном отношении. Однако такие цели противоречили принципиальной установке организаторов «Посредника» и потому по поводу предложенного Салтыковым для напечатания материала начались переговоры, не приводившие ко взаимному соглашению.

В марте 1887 г. Салтыков направил в книжный склад «Посредника» пять сказок с сопроводительным письмом следующего содержания:

«В книжный склад «Посредника»

Уже довольно давно Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков предлагали мне участвовать в изданиях «Посредника», но в то время у меня ничего подходящего не было. Теперь же кое-что набралось и я препровождаю при сем в склад пять сказок⁴⁰, которые и прошу издать, если это окажется удобным. Две из них: «Самоотв[ерженный] заяц» и «Бедный волк» я полагал бы издать вместе (в одной книжке), так как между ними есть связь; остальные порознь. При этом я вполне подчиняюсь тем условиям, какие полагаются для прочих писателей, участвующих в изданиях «Посредника».

Я попросил бы ответить на настоящее письмо, и при том, по возможности, скорее, потому что я тяжело болен.

Литейная, 62.

М. Салтыков (Щедрин)

В случае напечатания прошу на обложке означить: соч. Н. Щедрин (М. Салтыков)⁴¹.

«Щедрин прислал нам несколько своих вещей,— писал Чертков Толстому 19 марта 1887 г.— Я был у него. Он, повидимому, сознает, что умирает... Во всех почти его рассказах, подходящих сколько-нибудь к нашей цели, есть что-нибудь прямо противоположное нашему духу; но когда указываешь на это, то он говорит, что всю вещь написал именно для этого места, и никак не соглашается на пропуск».

По личным воспоминаниям В. Г. Черткова, сообщенным для настоящей статьи, из предложенных Салтыковым к напечатанию в «Посреднике» произведений особенное внимание Толстого обратила на себя «Рождественская сказка»⁴², которую он считал во всех отношениях «изумительной», но которую «портил» «нехристианский» конец, не мотивированный, по мнению Толстого, всем предыдущим изложением. Этот конец Чертков, от лица Толстого, просил Салтыкова переделать или опустить. «Вы хотите отрезать конец? — рассердился Салтыков.— Ну, так я вам скажу, что свои произведения я не отмериваю на аршин!» Он категорически отказался от каких бы то ни было переделок своих произведений; Толстой со своей стороны не захотел сделать уступки, и в результате ни одно из произведений Салтыкова не было напечатано в «Посреднике».

Это столкновение было последним эпизодом из отношений Толстого и Салтыкова.

28 апреля 1889 г. Салтыков скончался; смерть его не вызвала непосредственного отклика со стороны Толстого. Только спустя много лет, в 1904 г., Толстой вспомнил о Салтыкове именно в плане его болезни и смерти. А. Б. Гольденвейзер записал: «Л. Н., говоря об ужасном впечатлении, которое оставляет в его [Белоголового]⁴³ записках описание болезней и смерти Некрасова, Тургенева, Салтыкова, сказал: «Как они боялись смерти! и эти ужасные, отвратительные подробности болезни, особенно Некрасова». И дальше, уже в 1910 г., т. е. в год собственной смерти: «Л. Н. говорит: «Репутация писателей не соответствует их действительным достоинствам. Вот мне это время плохо работается, и я часто читаю газеты. Мне попало о Щедрине,— как он трудно умирал, как заботился об издании сочинений... И странно читать: пишут об нем, как о великом писателе, а кто теперь его читает? Да, это в нашем деле, да и во всяком также, всегда если имеешь дело с публичной, никогда не следует обращать внимание на критику, ни на отрицательную, ни на хвалебную, а делать свое дело»⁴⁴.

«Свое дело», дело художника, оба писателя понимали каждый по-своему и до конца жизни не отступили от своих позиций. История в лице современности разрешила их старый спор и в качестве высшего арбитра вынесла свое окончательное суждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалами для настоящей статьи послужили, помимо указанных ниже печатных источников, автографы, хранящиеся в Государственном Толстовском музее, Публичной библиотеке им. Ленина, ИРЛИ и в личном архиве В. Г. Черткова.

² Русанов, Г. А., Поездка в Ясную Поляну 24—25 августа 1883 г.— «Толстовский ежегодник 1912 г.», стр. 70.

³ Кузминский, А. М. (1843—1917) — муж Т. А. Кузминской, рожд. Берс (сестры С. А. Толстой), автора воспоминаний «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», изд. М. Сабашникова, М., 1927.

⁴ Апостолов, Живой Толстой. ГИЗ, М., 1928, стр. 115.

- ⁵ Повидимому «Пошехонские рассказы». — «Отечественные Записки» 1884, № 3.
- ⁶ Вероятно «Пошехонская старина. Жизнь и приключения Никанора Затрапезного». — «Вестник Европы» 1889, № 3.
- ⁷ Русанов, Г. А., Поездка в Ясную Поляну 24—25 августа 1883 г. — «Толстовский ежегодник 1912 г.», стр. 55 и 77.
- ⁸ Лазурский, В., Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911, стр. 40—41.
- ⁹ Перцов, П. П., Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, стр. 138.
- ¹⁰ Первое средство быть скучным — все договаривать до конца.
- ¹¹ Гольденвейзер, А. Б., Вблизи Толстого. М., 1923, т. I, стр. 285.
- ¹² Ibid., стр. 75.
- ¹³ Намек на известную сказку Щедрина «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил», впервые напечатанную в «Отечественных Записках» 1869, № 2.
- ¹⁴ Толстая, С. А., Автобиография. — «Начала» 1921, стр. 147.
- ¹⁵ Апостолов, Н. Н., Живой Толстой. ГИЗ. М., 1928, стр. 115.
- ¹⁶ Салтыков-Щедрин, Письма 1845—1889. ГИЗ. М., 1924, стр. 76.
- ¹⁷ Михайловский, Н. К., Литературные воспоминания и современная смута. СПБ., 1905, т. I, стр. 199.
- ¹⁸ «Отечественные Записки» 1874, № 9, стр. 147—304.
- ¹⁹ Михайловский, Н. К., Литературные воспоминания. СПБ., 1905, т. I, стр. 200.
- ²⁰ «Письма Толстого и к Толстому». ГИЗ. 1928, стр. 249—250.
- ²¹ Ibid., стр. 251.
- ²² Елисеев, Г. З. (1821—1891) — бывший профессор Казанской духовной академии, ближайший сотрудник «От. Записок», ведший отдел «Внутреннее обозрение».
- ²³ Это письмо не сохранилось.
- ²⁴ Первое свидание Михайловского с Толстым состоялось осенью 1881 г., а не 1882 г., как ошибочно здесь утверждает Михайловский.
- ²⁵ Речь идет повидимому о повести «Холстомер», начатой в 1863 г. и к тому времени вчерне законченной.
- ²⁶ Страхов, Н. Н. (1828—1896) — писатель и литературный критик, друг Толстого.
- ²⁷ Михайловский, Н. К., Литературные воспоминания и современная смута. СПБ., 1905, т. I, стр. 213—214.
- ²⁸ «Письма Толстого и к Толстому». ГИЗ. 1928, стр. 254.
- ²⁹ Речь идет об аресте, наложенном на книгу Толстого «В чем моя вера?» М., тип. М. Н. Кушнерова и К°, 1884.
- ³⁰ «Письма Толстого и к Толстому». ГИЗ. 1928, стр. 256—257.
- ³¹ Салтыков, Письма. Л. ГИЗ. 1924, стр. 264.
- ³² Скабичевский, А. М. — критик и публицист, сотрудник «Отечественных Записок».
- ³³ Салтыков, Письма. Л. ГИЗ. 1924, стр. 286.
- ³⁴ Письмо опубликовано впервые в этой книге выше.
- ³⁵ Салтыков, Письма. Л. ГИЗ. 1924, стр. 286.
- ³⁶ Чертков, В. Г. — публицист и общественный деятель, близкий друг Толстого.
- ³⁷ Воспроизводится по копии, хранящейся в Государственном Толстовском музее (архив Черткова). Публикуется полностью впервые. В 1900 г. В. И. Лихачев, сотрудник «Вестника Европы» и близкий друг Салтыкова, обратился через Стасова к Толстому с просьбой дать разрешение на публикацию этого письма в особом сборнике, посвященном Салтыкову. Толстой отвечал Стасову в письме от 25 января: «Лихачеву скажите, что я всегда, что касается моих писаний, в каком бы виде они не были, на все согласен». Издание проектировавшегося сборника не осуществилось, и письмо осталось неопубликованным. Отрывок из него использован в книге Н. Н. Апостолова «Лев Толстой и его спутники». ГИЗ. М., 1928, стр. 213.
- ³⁸ Публикуется впервые с автографа, хранящегося в личном архиве В. Г. Черткова. На публикацию данного и последующего письма Салтыкова в настоящей статье получено разрешение от В. Г. Черткова.
- ³⁹ То же сообщает А. Н. Унковский в неизданном письме к В. М. Соболевскому от 18 декабря 1885 г. Информирова своего адресата о состоянии здоровья Салтыкова, Унковский пишет здесь: «На прошедшей неделе в течение 2—3 дней он [Салтыков] занялся просмотром нескольких прежних своих произведений с целью отдать их гр. Л. Н. Толстому для народного чтения и, прочитав листа четыре, так утомился, что эта работа имела следствием весьма сильный припадок, продолжавшийся несколько часов». (Письмо хранится в ИРЛИ.)
- ⁴⁰ «Бедный волк», «Самоотверженный заяц», «Пропада совесть», «Рождественская сказка». Название пятой сказки установить не удалось.
- ⁴¹ Публикуется впервые с автографа, хранящегося в личном архиве В. Г. Черткова.
- ⁴² «Рождественская сказка» впервые напечатана в «Русских Ведомостях» 1886, № 354.
- ⁴³ Белоголовый, Н. А. (1834—1895) — врач, близкий к литературному кружку «Отечественных Записок», лечивший Некрасова, Салтыкова, а впоследствии, в Париже, Тургенева. Автор известных воспоминаний.
- ⁴⁴ Гольденвейзер, А. Б., Вблизи Толстого, т. I, стр. 128.